

У И Л Л Д И Н

ПУСТЬ

всё

ГОРИТ

INSPIRIA

МОСКВА

2024

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д46

Will Dean
THE LAST THING TO BURN

Copyright © Will Dean 2021

Художественное оформление *Константина Гусарева*

Дин, Уилл.
Д46 Пусть все горит / Уилл Дин ; [перевод с английского С. Горина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-199437-2

Он зовет меня Джейн. Но это не мое настоящее имя...

Уже семь лет, как моим новым домом стала одинокая ферма среди бескрайних полей. Кажется, именно в таком месте человек должен чувствовать себя по-настоящему свободным. И все же я в ловушке. Никто не знает, как я попала в Англию. Никто не знает, что я здесь.

Муж следит за каждым моим шагом: по всему дому развешаны камеры, а двери всегда должны оставаться открытыми. Есть четкие правила. Их нужно безукоризненно выполнять, иначе он сожжет мои сокровища. Я стараюсь изо всех сил соблюдать эти правила, ведь у него уже была жена, другая Джейн, до меня... И я боюсь даже представить, что с ней стало.

Долгое время побег казался невозможным. Но кое-что изменилось. У меня появилась причина жить и бороться. Теперь и я наблюдаю за ним. И жду...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-199437-2

© Горин С., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Посвящается моей матери.
Всегда*

Я не вернусь.

Ни сегодня, ни завтра — никогда. Моя правая лодыжка распухла до размеров кулака, и я чувствую, как обломки костей, которым уже без малого шесть лет, трутся друг о друга, пока я ковыляю от домика на ферме в сторону дороги.

Я вижу, куда мне надо идти, но заветная точка не приближается. С горем пополам хромаю до заветного места, преодолевая чудовищную боль. Я оглядываю дорогу: сначала смотрю налево, затем направо, не приближается ли откуда-то *он*. На дороге почти нет машин. Только грузовики, перевозящие капусту и сахарную свеклу, и машины с рабочими, которые собирают фрукты. Один автобус в день.

У меня с собой пятифунтовая купюра. Его пятифунтовая купюра. Мой билет из этого проклятого места. Смятая зеленая бумажка, свернутая трубочкой, спрятана у меня в волосах, которые каким-то образом не поседели за девять лет этого ада в Британии.

Каждый шаг похож на милю. Ниже колена старые и новые болячки сливаются в агоническую симфонию боли, словно кипящее масло и острые как бритва сосульки в одном флаконе.

Проселочная дорога по-октябрьски бледно-коричневого цвета, кругом развороченная, засохшая грязь. Грязь, развороченная трактором. Его трактором.

Я двигаюсь так быстро, как могу, кусая язык зубами, пытаюсь не потерять рассудок под напором всех оттенков моей боли. Стараюсь изо всех сил.

Он не появится. Я бы заметила его «Ленд Ровер» за милю.

Я останавливаюсь передохнуть. Надо мной летят облака, словно выгоняя из этого богом забытого места, подталкивая в спину, поддерживая, пока я иду вдоль дороги к остановке автобуса, который ходит раз в день, пряча в волосах свою пятифунтовую банкноту.

Погодите, а это ли не...

Нет.

Пожалуйста, нет. Быть не может.

Я замираю на месте, чувствуя, как кости в лодыжке стучат сильнее, чем сердце, а он стоит прямо на горизонте. Не его ли это грузовик? Может, просто та же модель. Может, это какой-нибудь продавец сельхозтехники или школьный учитель. Я смотрю направо, в сторону города за мостом, и налево, в сторону деревни. Туда, где я ни разу не была. Мои глаза прикованы к машине, *его* машине.

Поезжай, боже, только бы это был кто-то другой, поезжай.

Но он сбрасывает скорость, и сердце проваливается в пятки. Он сворачивает на проселочную дорогу, *его* проселочную дорогу. Дорогу, которая ведет к его ферме, его земле.

Я смотрю направо в пустоту, в бесконечные поля, которые он возделывал, и шпили вдалеке, потом налево, где среди пустоты высятся ветрогенераторы. Затем оглядываюсь и тут начинаю рыдать. Рыдать без шума, без слез. Я падаю. С хрустом складываюсь пополам, чувствуя острый камень под правой коленкой. Наконец-то что-то отвлечет меня от боли в лодыжке.

Он едет в мою сторону, и я замираю.

Может быть, с чистой головой и ясным умом я бы смогла убежать. Но не с такой больной ногой. Не тогда, когда он всегда возвращается. Всегда проверяет, где я. Всегда пристально наблюдает.

У меня на уме только Ким Ли, и я не пушу его в свои мысли. Моя сестра, сестренка, только ты даешь мне сейчас силы дышать, пока я иду по этой разбитой сельской дороге на этой необозримой равнине. Я с тобой. Я существую, чтобы ты могла жить дальше. Я знаю, что грядет, какие новые ужасы ждут меня. И я вынесу их ради тебя и только ради тебя.

Он нависает надо мной.

И вновь я существую лишь в его тени. Она поглотила меня.

уилл дин

Я не взгляну на него, не сегодня. Я думаю о тебе, Ким Ли, девчонке с мамиными глазами, папиными губами и своим собственным носом. Я не взгляну на него.

Я миновала запертые ворота на полпути.

Но не дальше.

Это все еще его земля вокруг. Земля, которая сдавливает меня.

Он нагибается, протягивает руки, аккуратно поднимает меня с земли и закидывает на свое плечо, а затем несет в сторону домика.

Жизнь покидает меня.

Слезы капаят в грязь на отпечатки собственных следов, которые я оставила час назад, следы от мужских сандалий сорок пятого размера: один след под прямым углом к другому. Это не просто следы. Каждый след — это победа, побег и полный провал.

Он идет молча, его сильное плечо впивается в мою талию. Он держит меня как пушинку. Его власть абсолютна. Сейчас ему не нужно насилие, потому что он обладает властью над всем, чего касается взгляд. Я чувствую его предплечье под коленями, и он придерживает меня так аккуратно, словно скрипач свой смычок.

Лодыжка превратилась в месиво из нервных окончаний, костей и сухожилий, словно каша из боли. Я чувствую, как она горит огнем, и ничего больше. Я уже привыкла к ежедневной боли, но не к такой. Это катастрофа. Мой рот открыт, и из

него раздается безмолвный крик. Бесконечный крик, полный безнадежности.

Он останавливается и открывает дверь, которую я каждое утро надраиваю, и мы входим в дом. Моя попытка побега провалилась, и я думаю, что же он сделает со мной на этот раз?

Он поворачивается и проходит мимо зеркала, коробки для ключей, которая прикручена высоко на стене, и направляется в единственную подходящую комнату на первом этаже. У моей семьи во Вьетнаме было шесть таких комнат. Он несет меня мимо закрытого телевизора, мимо камеры и кладет на обернутый целлофаном диван, словно я уснувший младенец, уставший после долгой поездки на машине. Он смотрит на меня.

— Полагаю, ты захочешь таблетку.

Я зажмуриваюсь и киваю.

— Будет тебе таблетка.

Он достает из кармана ключи от машины и возвращается к коробке на стене в прихожей. Снимает ключ с цепочки на шее, открывает коробку, кладет туда ключи от машины и закрывает ее.

Затем он возвращается. Он вдвое больше меня, но порядочности в нем и на половину крысы не наберется.

— Выворачивай!

— Что? — не понимаю я

— Выворачивай карманы, живо!

Расстегиваю его флисовую рубашку, замок немного заедает, поскольку я сиюгу сгорбившись

УИЛЛ ДИН

на диване, а затем лезу в свою сумку, сумку его матери. Оттуда я достаю четыре оставшихся предмета, четыре вещи во всем мире, которые принадлежат мне.

— Осталось четыре, — киваю я.

— Ну, сама виновата. Тебе некого винить, кроме себя, Джейн.

Меня зовут не Джейн.

— Выбери одну.

Я смотрю на целлофановый чехол на диване, на свою ID-карточку с последними словами на моем родном языке, последней фотографией меня, где видно, как я выглядела до того, как случился этот ад. Это последняя вещь, на которой написано мое настоящее имя.

Танн Дао, дата рождения 3 ноября, место рождения Бьенхоа, Вьетнам. Это доказательство того, что я та, за кого себя выдаю.

Рядом с карточкой лежит фотография мамы и папы. Мама стоит со светящимися глазами и зализанной прической, она слегка ухмыляется одним уголком губ. Точно так же иногда улыбается и моя сестра. Они держатся за руки с отцом, который источает флюиды любви, тепла, доверия, дружелюбия каждой клеточкой своего тела.

Затем я вижу письма от Ким Ли. Милая сестренка! Моя жизнь теперь твоя, мое будущее в твоих руках, проживи, пожалуйста, каждую секунду, прочувствуй каждую кроху удовольствия. Я смотрю на смятую бумагу и думаю о том вре-

мени, когда она жила в Манчестере, о ее работе, о независимости, доставшейся ей с таким трудом, которая вот-вот станет самой настоящей, полной, безоговорочной.

Четвертый предмет достался мне в наследство от его матери. Я не хотела его брать, но он был мне нужен. До сих пор нужен. Я нашла его в шкафчике в маленькой спальне, в той самой, где он заставляет меня спать все недели, кроме одной из четырех. Томик «О мышах и людях», принадлежавший его матери, который я иногда читала или про который думала. Я желала его каждый день на протяжении многих лет, так что могу сказать, что он по праву принадлежит мне.

Я смотрю на него, в его безжизненные сине-зеленые глаза.

— Ленн, пожалуйста, не забирай их. — Я нервно сплетаю пальцы. — Ленн, пожалуйста!

Он шагает к плите, открывает дверцу, кладет внутрь горсть ивовых веток, закрывает ее и поворачивается ко мне.

— Ты решила смотаться отсюда, так что выбери, что пойдет в печь. Сама не выберешь, я помогу!

Он идет к раковине, и я замечаю стеклянную банку наверху шкафчика.

— Можно, пожалуйста, сначала таблетку?

— Выбери вещь и затем получишь свою таблетку!

Моя ID-карточка. Фото родителей. Бесценные письма сестры. Книжка. Моя, мое, мои, моя — все мое! Не его — мое!

Я уже знаю, что выберу. Я проигрывала этот момент в воображении. Каждую ночь я планировала, строила схемы. Надеялась на лучшее и готовилась к худшему. К этому.

— Ты даже трети пути не осилила, — фыркает он. — Что у тебя только в голове творилось, тупая дрянь!

Я сосредотачиваюсь на мамином лице. Намертво врезаю его в память болью в лодыжке, всей моей жгучей болью и сухими слезами. Я отмечаю каждую подробность. Ее несимметричные брови. Теплоту взгляда. Я смотрю на отца и впитываю каждую родинку и морщинку на его лице, каждый волосок на голове.

Я протягиваю фотографию Ленну и собираю все письма, книгу и ID-карточку, затем глубоко прячу их в сумочку его матери.

Это эгоистичный поступок, но мне кажется, родители все бы поняли. Мне нужна книга, чтобы не слететь с катушек; нужна моя карточка, чтобы не забыть, кто я такая; мне нужны письма, чтобы просыпаться каждое утро и засыпать каждую ночь. Родители бы меня простили.

Ленн берет фотографию в руки, держа ее за уголки, лишь бы не прикоснуться к изображению. Он кладет ее в свой замаранный маслом комбинезон, затем тянется к стеклянной банке наверху

шкафчика и снимает ее. Банка похожа на что-то, что вы могли бы найти в магазине сладостей: высокая, стеклянная, с закручивающейся металлической крышкой. В ней лежат таблетки размером с ластик. Ленн не говорит мне, что это за таблетки, но я и так знаю. Он фермер. Он может заказать их, и никто ухом не поведет. Ленн достает таблетку, и на его загорбевших, словно у тяжелоатлета или скалолаза, пальцах белым порошком проступают рисунки отпечатков. Он ломает таблетку пополам. Вторую половину кладет обратно в банку и крепко завинчивает крышку. Так крепко, что я ни за что в жизни не смогла бы ее открыть. Потом возвращает банку на место. Да, я уже подмешивала ему таблетки. По крайней мере, пыталась. Ну а что вы думаете, я бы не попыталась? Половинки почти двух таблеток растворились в горячей подливке. Однако, когда дело касается еды, он очень привередлив. Ленн почувствовал, что вкус какой-то не такой, но к тому моменту он уже почти расправился с ужином. Я смотрела на него, молясь всем богам и призывая их. Его потянуло в сон, но он все равно, словно разъяренная оса в дреме поздним летом, направился в мою сторону. Вот так я потеряла свою одежду и серебряное кольцо, которое подарила мне бабушка в день, когда я ушла из дома. Он распробовал транквилизаторы для лошадей в своем курином пироге. Теперь Ленн стал более осторожным.